

Елена К.

Труп в шкафу, или, как я
перестала бояться и
полюбила уборку

Елена К.

Труп в шкафу, или, как я перестала бояться и полюбила уборку

<https://litres.ru/74648028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Хочешь, чтобы город снова пах ванилью, отбрасывал тень, звучал эхом и позволял котам сидеть где хочется? Тогда тебе сюда!

«Лига защиты простых радостей» — это серия ироничных городских расследований, где Лида, Рита и их друзья спасают район от абсурдных «улучшений»: от «антитеневых» программ до «ароматически нейтрального будущего». В каждой главе — щепотка сарказма, море уюта и диалоги, от которых хочется улыбаться.

Это не просто истории — это манифест в защиту маленьких радостей: тёплого хлеба, кошачьего взгляда, запаха дождя и права просто выдохнуть. Идеально для тех, кто устал от «идеального» мира и хочет напомнить себе: счастье прячется в несовершенствах.

Читай, чтобы улыбнуться, вспомнить, что уют — это не про глянец, а про жизнь, и поверить: даже против самого абсурдного «прогресса» есть аргумент — довольный кот на твоей скамейке.

Присоединяйся к Лиге — и пусть район снова станет домом!

Содержание

Глава о совпадениях	5
Глава 1. «Вызов на уборку»	7
Глава 2. «Кофе, коты и чужие секреты»	12
Глава 3. «Допрос, квартиры и один резкий поворот»	19
Глава 4. «Тень, которая дышит»	28
Глава 5. «Цена красивой жизни»	35
Глава 6. «Папка без названия и запах ванили»	42
Глава 7. «Как читают документы — и как читают квартиры»	49
Глава 8. «Цифры, которые не умеют лгать»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Труп в шкафу, или, как я перестала бояться и полюбила уборку

Глава о совпадениях

Внимание, читатель!

Все совпадения с реальными районами, булочными, урбанистическими проектами и особенно с чрезмерно усердными службами «акустического баланса» и «ароматической нейтральности» — чистейшая случайность. Да-да, я сама удивилась, насколько эти названия звучат знакомо. Наверное, просто у абсурда везде одинаковый почерк.

Организации вроде «Солнечный прогресс», «Гармоничная среда» и «Ароматический баланс» существуют исключительно на этих страницах — и, честно говоря, в реальной жизни им бы точно не дали перерезать ветки у дуба или запретить котам сидеть на скамейках. Все совпадения с существующими организациями и службами и их названиями абсолютно случайны. И совсем не имеют к ним отношения.

А вот право на тень, запах свежей выпечки и взгляд кота, полный молчаливого осуждения, — вещь абсолютно реальная. И за него по-прежнему готова бороться.

Так что устраивайся поудобнее, бери воображаемую булочку и помни: в этом районе уют всегда побеждает «идеальный порядок». ##

Глава 1. «Вызов на уборку»

Лида ненавидела слово «элитный». Оно всегда шло в комплекте с фразами «у нас всё стерильно» и «только не трогайте это», а потом она заходила в квартиру и видела, что «стерильно» — это когда пыль аккуратно сметена в угол, чтобы не бросалась в глаза.

Вызов пришёл в 11:17 утра. СМС от менеджера: «ЖК Тихий берег, 12 этаж, квартира 1204. После вечеринки. Срочно. Клиентка нервная. Оплата x2».

Лида хмыкнула. «Нервная» в её практике означало одно из трёх: либо хозяйка сама устроила вечеринку и теперь боится, что муж найдёт чек от такси в прихожей; либо муж устроил и теперь она боится, что муж узнает про такси; либо вечеринка была такой, что даже пыль просит прощения.

Она накинула тёмно-серый комбинезон с логотипом «Чистый след» — лаконичный шрифт, без сердечек и бантиков. Это был её маленький протест против клининговых компаний, которые писали «Мы любим ваш дом!» так, будто дом — это щенок, которого надо гладить по голове. Лида не любила дома. Она любила порядок. А дома, как правило, сопротивлялись.

В лифте пахло ванилью и чем-то химическим — типичный запах новостройки, где пытаются заглушить запах бетона. На двенадцатом этаже коридор был шире, чем в боль-

шинстве квартир, где Лида убиралась. Двери — массивные, с бронзовыми ручками, будто в музее. Квартира 1204 была приоткрыта — ровно настолько, чтобы показать: тут что-то не так.

Лида постучала, хотя дверь уже была открыта. Никто не ответил. Она толкнула дверь чуть шире и замерла, потому что первое, что бросилось в глаза, было не пятно на ковре и не опрокинутый стул. Это был мужчина, сидящий в кресле у окна.

Он сидел неестественно ровно, будто его специально усадили так, чтобы он выглядел... достойно. Лицо спокойное, руки сложены на коленях, пальцы переплетены. На нём был тёмно-синий костюм, явно дорогой, но не новый — на манжетах виднелась едва заметная потёртость, которую не скроешь даже химчисткой. На полу рядом с креслом стояла пустая рюмка. На столике — бутылка коньяка, почти полная.

«Самоубийство?» — подумала Лида. Но тут же сама себе возразила: «Нет. Не похоже».

Потому что рядом с рюмкой лежал идеально выглаженный носовой платок с монограммой — изящные буквы «А» и «М», переплетённые в вензель. Лида знала о покойном ровно столько, сколько успела прочитать в чате менеджера: бывший муж хозяйки, человек, который терпеть не мог «всякую вычурную мишуру» и называл монограммы «признаком провинциального тщеславия». Он бы не стал держать такой платок даже в кармане.

— Вы кто? — голос прозвучал откуда-то из-за спины, и Лида едва не подпрыгнула.

Это была хозяйка — та самая блогерша, чьё имя Лида видела на афишах в метро: «Как превратить свою жизнь в шедевр за 30 дней». В жизни она выглядела не как шедевр, а как человек, который последние три часа пытался собрать себя по частям. Глаза красные, волосы собраны в небрежный пучок, на щеке — след от туши.

— Я из клининга, — спокойно сказала Лида, стараясь не смотреть на мужчину в кресле. — Меня прислали на уборку после вечеринки.

Блогерша моргнула, будто не поняла слова. Потом её лицо исказилось, и она резко шагнула вперёд, загораживая собой вид на кресло.

— Нет, нет, никакой уборки! Вы не понимаете... Тут... Тут... — она запнулась, схватилась за край стола, будто он мог удержать её от падения. — Полиция уже едет.

— Тогда я подожду в коридоре, — сказала Лида и сделала шаг назад.

— Не надо! — почти крикнула хозяйка. — Не уходите! Пожалуйста. Мне... мне страшно оставаться одной.

Лида замерла. В её работе не было пункта «сидеть и держать за руку», но в её работе вообще не было чётких пунктов. Были только люди, которые прятали свои секреты в углах, под коврами, в выдвижных ящиках, и иногда эти секреты оказывались тяжелее мебели.

Она осталась.

Пока они ждали полицию, хозяйка — её звали Кира — металась по гостиной, то хватаясь за телефон, то роняя его, то пытаясь собрать рассыпанные по столу бумаги. Лида молча наблюдала. Её взгляд скользил по комнате, отмечая детали, как сканер.

На холодильнике — магнитик с надписью «Я люблю Париж», рядом — фотография в рамке: Кира и тот самый мужчина из кресла, улыбаются, будто ничего плохого в мире не существует. На столе — недопитая чашка кофе, на блюде — крошечные крошки от печенья. На полу — один ботинок, второй так и не нашли.

И ещё одна деталь, которая не давала Лиде покоя: в холодильнике, за стеклянной дверцей, стоял сервированный ужин на двоих. Две тарелки, два бокала, свечи в подсвечниках — не зажжённые, но готовые. И на каждой тарелке — аккуратно сложенная салфетка с той же монограммой, что и на платке у покойного.

«Ужин на двоих, — подумала Лида. — А он уже мёртв?»

Когда приехала полиция, всё пошло по стандартному сценарию: оцепление, вопросы, протоколы. Лиду попросили подождать в коридоре. Она села на подоконник, достала из кармана блокнот и начала записывать. Не показания, не детали, а свои наблюдения.

«Платок с монограммой — не его стиль. Ужин на двоих — кто-то готовился к встрече. Фото на холодильнике — счаст-

ливая пара, но на столе — разбросанные бумаги. Один ботинок — будто он собирался уходить или только пришёл».

Через полчаса к ней подошёл молодой следователь с усталыми глазами и папкой в руках.

— Вы из клининга? — спросил он, будто это могло что-то объяснить.

— Да, — кивнула Лида.

— И что вы заметили?

Она посмотрела на него, потом на дверь квартиры, откуда доносились голоса и скрип половиц.

— То, что никто не заметит, — ответила она. — Например, что на верхней полке шкафа нет пыли. Значит, кто-то недавно что-то доставал оттуда. Или что салфетки с монограммами лежат слишком ровно — будто их специально разложили для фото, а не для ужина.

Следователь приподнял бровь, но ничего не сказал. Только записал что-то в блокнот.

Когда Лида наконец вышла из подъезда, солнце уже стояло высоко, и двор казался обычным: детская площадка, скамейки, урны. Но она знала, что ничего обычного здесь больше нет.

Её телефон завибрировал — менеджер спрашивал, брать ли следующий заказ. Лида посмотрела на экран, потом на окна двенадцатого этажа, где за шторами мелькали тени.

— Нет, — сказала она вслух, хотя никто её не слышал. — Сегодня я не буду убирать. Сегодня я буду смотреть.

Глава 2. «Кофе, коты и чужие секреты»

Лида не любила ждать. Ожидание заставляло её замечать лишнее: как дрожит рука у консьержки, как слишком старательно улыбается курьер, как в лифте пахнет не ванилью, а страхом. Она вышла из подъезда «Тихого берега» и пошла к своей машине, но не села сразу. Вместо этого достала блокнот и записала то, что не вписывалось в версию «самоубийство».

«Платок с монограммой — не его стиль. Ужин на двоих — сервировка, будто для фото. Один ботинок — будто он собирался уходить. На верхней полке шкафа — нет пыли. Салфетки лежат слишком ровно. Фото на холодильнике — счастливая пара, но бумаги на столе разбросаны. И главное — он сидел в кресле неестественно ровно, будто его посадили».

Она закрыла блокнот, сунула его в карман комбинезона и только тогда поняла, что дрожит. Не от холода — от того, как быстро реальность перестала быть просто «уборкой после вечеринки» и превратилась в пазл, где ни одна деталь не хочет вставать на место.

Телефон завибрировал. Это была Рита, её подруга и по совместительству единственный человек, который знал, что

Лида не просто «убирает квартиры», а собирает чужие жизни по осколкам.

— Ты где? — голос Риты звучал так, будто она уже налила кофе и ждёт, когда Лида приедет, чтобы всё выслушать. — У меня круассан и кот, который считает себя главным редактором.

— Я только что вышла из квартиры, где нашли труп, — сказала Лида спокойно, будто сообщала, что купила хлеб.

На том конце провода повисла пауза — та самая, когда человек пытается одновременно не закричать, не уронить чашку и не поверить в услышанное.

— Какой труп? — наконец спросила Рита. — Ты же просто убираешь!

— Именно. Я приехала убирать, а нашла труп в кресле. И теперь я не могу перестать думать о салфетках.

Рита вздохнула — этот вздох Лида знала наизусть: смесь тревоги, заботы и лёгкого раздражения, которое бывает только у близких людей.

— Приезжай. Кофе остынет, а кот начнёт писать рецензии на твою жизнь.

Лида села в машину и поехала. По дороге она думала не о том, кто убил, а о том, почему всё выглядело так, будто кто-то очень старался, чтобы это выглядело как самоубийство. И старался не как профессионал, а как человек, который видел слишком много сериалов и теперь пытается воспроизвести сцену по памяти.

Квартира Риты была полной противоположностью «Тихого берега». Здесь было тесно, уютно и пахло корицей. На подоконнике стояли горшки с травами, на диване лежал кот по имени Феликс — огромный, пушистый и с видом человека, который знает все твои секреты и не собирается их выдавать.

— Садись, — Рита поставила перед Лидой чашку кофе и тарелку с круассаном. — И рассказывай. Только без сокращений. Мне нужны детали.

Лида рассказала всё: про кресло, про платок, про ужин на двоих, про пыль на полке. Рита слушала, не перебивая, только иногда кивала или хмурилась, а Феликс время от времени подходил, тёрся о ногу Лиды и уходил, будто проверял, всё ли в порядке.

— Знаешь, что меня смущает больше всего? — спросила Лида, когда рассказ закончился. — Не то, что он мёртв. А то, что кто-то пытался сделать это красивым. Ужин, салфетки, сервировка... Это не про смерть. Это про попытку что-то доказать.

Рита задумчиво помешала ложечкой кофе, хотя сахара там не было.

— А ты не думаешь, что это могла быть инсценировка не убийства, а... чего-то другого? — сказала она тихо. — Например, человек умер от сердечного приступа, а кто-то из близких, увидев это, запаниковал и начал «приводить в порядок», чтобы не было скандала. Или чтобы не подумали плохо. Люди делают странные вещи, когда боятся.

Лида замерла. Эта мысль не приходила ей в голову — потому что она привыкла искать умысел, а не панику. Но если это была паника, а не расчёт, то всё менялось. Паника оставляет другие следы.

— Тогда почему платок? — возразила Лида. — И почему салфетки лежат так ровно? Это не похоже на панику.

— А может, это как раз и есть попытка «сделать красиво», — сказала Рита. — Когда человек в стрессе, он цепляется за ритуалы. Сервировка, салфетки, платок — это попытка вернуть контроль. Даже если это выглядит нелепо.

Феликс, будто соглашаясь, запрыгнул на стол, посмотрел на Лиду своими огромными глазами и мяукнул.

— Он тоже считает, что ты слишком много думаешь, — улыбнулась Рита.

Но Лида уже не могла перестать думать. Она достала блокнот и начала записывать новую версию: «Не убийство. Не самоубийство. А попытка скрыть естественную смерть, чтобы не было скандала или подозрений. Кто-то запаниковал и начал наводить порядок».

В этот момент телефон Лиды снова завибрировал. На экране высветилось незнакомое имя: «Кирилл, следователь».

— Алло, — ответила она, стараясь говорить спокойно.

— Это следователь Кирилл, мы встречались у квартиры, — голос у него был усталый, но внимательный. — Я хотел уточнить пару моментов. Вы упоминали, что на верхней пол-

ке шкафа нет пыли. Вы уверены?

— Абсолютно, — сказала Лида. — Я всегда смотрю наверх. Люди прячут вещи там, где не ждут, что кто-то будет смотреть.

— И ещё... Вы сказали, что салфетки лежали слишком ровно. Что вы имели в виду?

Лида на секунду задумалась. Как объяснить то, что понимаешь только потому, что каждый день видишь, как люди живут?

— Обычно, когда люди накрывают на стол, они делают это быстро, — сказала она. — Салфетки бросают, кладут небрежно, иногда даже не разворачивают до конца. А эти были сложены идеально, как для фотосессии. Будто кто-то хотел, чтобы это выглядело... постановочно.

На другом конце провода Кирилл что-то записал.

— Спасибо, — сказал он наконец. — Это важно. И... если вы ещё что-то вспомните, пожалуйста, позвоните. Даже если покажется мелочью.

Когда Лида положила трубку, Рита посмотрела на неё с удивлением.

— Тебя что, теперь официально привлекают к расследованию?

— Нет, — усмехнулась Лида. — Просто я замечаю то, что другие не видят. И иногда это оказывается полезным.

Феликс снова мяукнул, будто хотел сказать: «А я замечаю, когда открывают банку с тунцом. Это тоже навык».

Рита рассмеялась, а Лида вдруг почувствовала, что напряжение немного отпустило. Но не до конца. Потому что где-то там, в квартире на двенадцатом этаже, оставались вопросы, на которые пока не было ответов.

— Знаешь, — сказала Рита, наливая ещё кофе, — иногда мне кажется, что ты читаешь квартиры как книги. И каждая комната — это глава.

— Только в книгах главы подписаны, — отозвалась Лида. — А здесь приходится догадываться по почерку.

Они посидели ещё немного, поговорили о пустяках — о погоде, о новом кафе на углу, о том, что Феликс опять сбросил цветок с подоконника. Но Лида знала, что мысли её всё равно возвращаются к той квартире, к тому креслу, к тем салфеткам.

Когда она собралась уходить, Рита остановила её у двери.

— Будь осторожна, — сказала она серьёзно. — Ты не сыщик. И не обязана это разгадывать.

— Я и не собираюсь, — ответила Лида, хотя сама себе не поверила. — Просто... я не могу оставить пазл незавершённым.

На улице уже темнело. Город зажигал огни, и «Тихий берег» на фоне неба выглядел как декорация — красивый фасад, за которым прятались чужие тайны. Лида села в машину, завела двигатель и вдруг поняла, что не поедет домой.

Вместо этого она набрала номер менеджера.

— Слушай, — сказала она, — тот заказ в «Тихом берегу»

... Я пока не буду его закрывать. Скажи хозяйке, что мы перенесём уборку. На неопределённый срок.

Менеджер что-то пробурчал про деньги и клиентов, но Лида не слушала. Она уже знала, что сегодня её работа — не убирать. Сегодня её работа — смотреть.

И она смотрела. На окна двенадцатого этажа, на тени за шторами, на одинокий свет в одной из комнат. И думала о том, что иногда самые важные улики — это не кровь и не отпечатки пальцев. Иногда это идеально сложенная салфетка, которая не вписывается в жизнь человека, будто чужая строчка в знакомом стихотворении.

Глава 3. «Допрос, квартиры и один резкий поворот»

Кабинет следователя Кирилла был из тех, где уют — это иллюзия. На столе — аккуратные стопки бумаг, но между ними торчат уголки фотографий с места преступления. На подоконнике — пластиковый стаканчик с остывшим кофе. На стене — карта района с булавками, будто кто-то пытался соединить точки, но линии всё равно не сходились.

Лиду сюда не звали официально. Она вообще не должна была здесь быть. Но Кирилл сам позвонил: «Вы заметили то, что другие пропускают. Помогите мне не упустить главное». И Лида, сама себе удивляясь, согласилась. Не потому, что хотела быть сыщиком — а потому что пазл по-прежнему не складывался, и тишина в нём звенела, как натянутая струна.

— Сначала — формальности, — сказал Кирилл, включая диктофон. — Вы подтверждаете, что прибыли по вызову для уборки в квартиру 1204 ЖК «Тихий берег» и обнаружили тело мужчины, идентифицированного как Андрей Мельников, бывший супруг Киры Мельниковой?

— Подтверждаю, — спокойно ответила Лида. — Но я не просто «обнаружила». Я заметила, что некоторые детали не соответствуют картине самоубийства.

Кирилл чуть наклонил голову — не то, чтобы скептиче-

ски, а как человек, который привык, что люди видят то, что хотят видеть, а не то, что есть.

— Например?

Лида не стала тянуть.

— Платок с монограммой. Андрей терпеть не мог «вычурной мишуры», как он сам говорил в интервью Киры. Такой платок он не держал бы даже в кармане. Салфетки на столе сложены слишком ровно — будто для поста в соцсети, а не для ужина. И ужин на двоих: кто-то готовился к встрече, но Андрей уже был мёртв. Плюс — на верхней полке шкафа нет пыли. Значит, кто-то недавно что-то доставал.

Кирилл кивнул, записал что-то в блокнот.

— Вы очень наблюдательны.

— Я просто привыкла смотреть туда, куда другие не смотрят, — пожалала плечами Лида. — Люди прячут секреты в углах, за плинтусами, на верхних полках. И ещё... я заметила, что у него на манжете костюма — едва заметная потёртость. Не от времени, а от того, что он часто опирался на что-то твёрдое. Может, на край стола, может, на подлокотник. Это деталь, которая говорит о привычке. А привычки не исчезают в день смерти.

Кирилл посмотрел на неё чуть внимательнее.

— Хорошо. Тогда давайте пройдем по кругу. У нас есть несколько человек, которые были близки с Мельниковым. Я буду задавать вопросы, а вы... просто слушайте. И если что-то покажется вам странным — скажите.

Кира сидела напротив, прямая, будто её позвоночник был натянут, как струна. На ней был тот самый образ «успешной женщины»: идеально сидящий костюм, лёгкий макияж, волосы уложены так, чтобы выглядеть небрежно, но стоять дорого. Только глаза выдавали напряжение — они бегали по комнате, не задерживаясь ни на чём.

— Расскажите ещё раз, как вы обнаружили тело, — спокойно спросил Кирилл.

Кира сцепила пальцы, потом расцепила, будто пыталась заставить себя выглядеть расслабленной.

— Я... я пришла домой. Дверь была приоткрыта. Я подумала, что это странно, но не придавала значения. Зашла, увидела... его... в кресле. И... запаниковала.

— Почему вы не позвонили сразу в полицию?

Кира на секунду запнулась.

— Я... сначала позвонила подруге. Мне нужно было... услышать чей-то голос.

Лида смотрела на её руки. Они дрожали — едва заметно, но достаточно, чтобы это увидеть. И ещё: на запястье у Киры была тонкая царапина, будто она зацепилась за что-то. Не свежая, но и не старая.

«Она что-то трогала, — подумала Лида. — Что-то, что могло оставить след».

— А что было до этого? — спросил Кирилл. — Вы виделись с Андреем накануне?

— Нет, — слишком быстро ответила Кира. — Мы не об-

щались уже несколько месяцев.

Но Лида заметила, как она на секунду опустила глаза. Не в сторону, а вниз — туда, где обычно прячут ложь. И ещё: в её голосе не было горечи. Только напряжение. Как будто она боялась не воспоминаний, а того, что кто-то узнает правду.

Когда Кира ушла, Кирилл посмотрел на Лиду.

— Что скажете?

— Она врёт, — тихо сказала Лида. — Не обо всём, но о чём-то важном. И царапина на запястье... она не похожа на случайную. Будто она что-то хватала. Или пыталась удерживать.

Кирилл записал это, но ничего не сказал.

Марк вошёл в кабинет так, будто это был зал суда. Прямая осанка, взгляд спокойный, голос — ровный, почти убаюкивающий. Он сел, положил руки на колени, скрестил пальцы — точно так же, как Андрей в кресле. Лида вздрогнула от этого совпадения.

— Вы были знакомы с Андреем Мельниковым? — спросил Кирилл.

— Конечно, — спокойно ответил Марк. — Мы пересекались по делам Киры. Он был... сложным человеком.

— Каким именно?

Марк чуть помолчал, подбирая слова.

— Он умел находить слабые места и давить на них. Не грубо, а так, что ты сам начинал сомневаться в себе. Это было его оружием.

Лида слушала его голос. Он говорил правду — но не всю. В интонации была лёгкая горечь, будто он когда-то проиграл Андрею в споре и до сих пор не мог этого забыть.

— Вы виделись с ним накануне смерти?

— Нет, — ответил Марк. — У меня был суд. Есть свидетели.

Он говорил уверенно, но Лида заметила, как он на секунду коснулся запястья — там, где у Киры была царапина. Будто проверял, нет ли у него такого же следа.

«Они что-то делали вместе, — подумала Лида. — Или оба трогали что-то одно».

Юля была полной противоположностью Киры: яркая, эмоциональная, в одежде, которая казалась собранной из случайных вещей, но на самом деле была продумана до мелочей. Она влетела в кабинет, как вихрь, и сразу начала говорить, не дожидаясь вопросов.

— Я не понимаю, зачем вы меня вызвали! Я ничего не знаю! Я вообще была в салоне, у меня куча клиентов, спросите администратора!

Кирилл спокойно кивнул.

— Мы уже спросили. Вы были в салоне до 19:00. А смерть наступила примерно в 20:30–21:00. Где вы были после?

Юля замерла. Её лицо на секунду потеряло всю свою яркость, будто кто-то выключил свет.

— Я... я пошла прогуляться. Мне нужно было подумать.

— Где именно?

— По набережной, — быстро ответила она. — Просто шла, смотрела на воду.

Лида смотрела на её туфли. На подошве — песок. Немного, но достаточно, чтобы заметить. И ещё: на рукаве её куртки — крошечное пятно, похожее на след от кофе. Не свежее, но и не старое.

«Набережная, — подумала Лида. — Там есть кафе. И скамейки у воды. И песок. Она там была. Но зачем она врёт?»

Пока Кирилл оформлял протоколы, Лида вышла в коридор. Ей нужно было перевести дух. И ещё — она вдруг поняла, что не может сидеть на месте.

Она достала телефон и открыла список заказов. Один из них — срочный: «Квартира после вечеринки, срочно, оплата x2». Адрес — в соседнем районе.

«Это просто уборка, — сказала она себе. — Просто уборка. Никаких трупов. Никаких загадок».

Квартира была типичной: разбросанные бокалы, пятна на ковре, запах алкоголя и чего-то сладкого. Лида начала работать — и вдруг остановилась.

На полке над диваном стояла фотография в рамке: молодая пара, улыбаются, будто ничего плохого в мире не существует. Рядом — маленькая статуэтка, которую обычно ставят «на удачу». А на полу, под диваном, — скомканный чек из аптеки. Лида подняла его. Дата — вчера. Сумма — небольшая, но в списке покупок — снотворное и витамины.

«Кто-то плохо спал, — подумала она. — И пытался это

скрыть».

В другой комнате она заметила, что на столе лежит блокнот с записями: «Позвонить маме», «Купить хлеб», «Не забыть про встречу». Но последняя запись была зачёркнута так сильно, что бумага порвалась.

«Он не хотел, чтобы кто-то это видел, — поняла Лида. — Значит, это было важно».

Она продолжала убирать, но теперь видела не грязь, а истории. Каждая квартира была книгой, и Лида читала её между строк.

Когда Лида вернулась в кабинет, Кирилл протянул ей диктофон.

— Вот запись с камеры наблюдения у подъезда. Посмотрите, кто входил и выходил в тот вечер.

Лида нажала «плей». На экране — коридор, дверь, люди. Она смотрела внимательно, отмечая детали: кто спешил, кто оглядывался, кто старался не попадать в кадр.

И вдруг она замерла.

На записи был момент, когда дверь квартиры приоткрылась, и из неё выглянула фигура. Не Кира, не Марк, не Юлия. Кто-то ещё. Человек в тёмной куртке, с капюшоном, надвинутым на лицо. Он стоял там несколько секунд, будто прислушиваясь. Потом быстро ушёл.

— Кто это? — спросила Лида.

Кирилл покачал головой.

— Не знаем. Камера не даёт чёткого изображения.

Но Лида вдруг вспомнила одну деталь — ту, которую она заметила в квартире, но не придала ей значения. На полу, рядом с креслом, была крошечная пуговица. Тёмная, с металлическим отливом. И на куртке того человека на записи — как раз не хватало одной пуговицы.

— У него не хватает пуговицы, — тихо сказала Лида. — На куртке. Я видела её на полу.

Кирилл посмотрел на неё с новым уважением.

— Вы уверены?

— Абсолютно, — ответила Лида. — Я всегда смотрю на пол. Люди теряют вещи, когда нервничают.

Когда допросы закончились, Лида вышла на улицу. Город уже погружался в сумерки, и огни фонарей отражались в лужах, как маленькие звёзды. Она шла к машине, но вдруг остановилась.

Из окна квартиры на двенадцатом этаже пробивался свет. И в этом свете она увидела тень — кто-то стоял у окна и смотрел вниз. На неё.

Лида замерла. Тень на секунду задержалась, потом исчезла. Окно осталось открытым, и штора слегка колыхалась от ветра.

«Кто-то всё ещё там, — подумала Лида. — Кто-то, кто не должен быть там».

Её телефон завибрировал. Это была Рита.

— Ты где? — спросила она. — Я тут круассаны купила. И Феликс опять сбросил цветок.

Лида улыбнулась, но улыбка вышла натянутой.

— Я скоро буду, — сказала она. — Только сначала... мне нужно кое-что проверить.

Она посмотрела на окно двенадцатого этажа. Свет уже погас, но тень осталась — в её памяти, в её мыслях, в том, как всё вдруг начало складываться в одну картину.

«Не убийство, — думала она. — Не самоубийство. А что-то третье. Что-то, что кто-то очень старался скрыть. И я узнаю, что это».

Глава 4. «Тень, которая дышит»

Лида стояла у подъезда «Тихого берега» и смотрела на окно двенадцатого этажа. Свет погас, но ощущение, что за ней наблюдают, не исчезало — оно цеплялось за плечи, как холодный сквозняк. В голове крутилась одна фраза: *«Тень на секунду задержалась, потом исчезла»*. И ещё — пуговица на полу. И куртка на записи. И то, как неестественно ровно сидел Андрей в кресле.

Она достала блокнот, открыла на чистой странице и написала крупно: **«А если он не мёртв?»**

Сначала эта мысль показалась нелепой. Как можно притвориться мёртвым так, чтобы даже следователь поверил? Но потом Лида вспомнила: тело не трогали до приезда полиции. Его не переворачивали, не проверяли пульс при ней. Только констатировали позу, состояние, отсутствие явных признаков насильственной смерти. И да — врач сказал «смерть», но это было на словах, в коридоре, между делом.

Лида набрала Кирилла.

— Это Лида. У меня... странный вопрос. А была ли экспертиза? Официальное заключение?

На том конце провода повисла пауза, в которой слышался скрип стула и чей-то далёкий голос.

— Предварительное — да, — ответил Кирилл устало. — Но полное — через несколько дней. Почему?

— Потому что кое-что не сходится, — сказала Лида, стараясь говорить спокойно. — Слишком много деталей, будто кто-то старательно выстраивал сцену. И ещё... я видела тень в окне. После всего.

Кирилл помолчал.

— Тень могла быть кем угодно. Хозяйка, её муж, уборщица...

— А пуговица? — перебила Лида. — На полу у кресла. На записи у человека в капюшоне не хватает одной пуговицы. Тёмной, с металлическим отливом.

Снова тишина. Потом — тяжёлый вздох.

— Я проверю. Но, Лида... не гони вперёд паровоза.

— Я не гоню, — сказала она. — Я просто смотрю на пол.

Лида не поехала к Рите. Вместо этого она снова поднялась на двенадцатый этаж. Не в квартиру — она не имела права туда входить. Но консьержка, которую Лида ещё днём угостила кофе, теперь смотрела на неё чуть мягче.

— Вы опять по этому делу? — спросила она, не поднимая глаз от кроссворда.

— Да, — кивнула Лида. — Мне нужно... просто постоять у двери. Посмотреть.

Консьержка пожала плечами.

— Стойте. Только не шумите. У нас тут и так нервов хватает.

Лида встала у двери 1204. Прислушалась. Тишина. Но не мёртвая, а такая, какая бывает, когда внутри кто-то затаился.

Или, когда квартира ещё «помнит» людей.

И тут она заметила то, чего не видела днём.

Под дверью, в щели, едва заметно шевелился край бумаги. Как будто его задело сквозняком. Лида присела, подцепила уголок — и вытащила чек. Обычный чек из кофейни «Уголок» на первом этаже этого же ЖК. Дата — вчера. Время — 20:47. Сумма — 340 рублей. А в списке покупок: «американо, круассан, латте».

«Два напитка, — подумала Лида. — И круассан. Кто-то был с ним».

Она перевернула чек. На обороте — небрежная надпись ручкой: *«Жду у лифта. Не светись»*.

Лида замерла. Это не было похоже на предсмертную записку. Это было похоже на инструкцию.

На следующее утро Лида позвонила Кире. Не как клинер, не как помощница следствия — а как человек, который знает чуть больше, чем должен.

— Кира, мне нужно с вами поговорить. Не по телефону.

Кира согласилась сразу — слишком быстро, будто ждала этого звонка. Они встретились в той самой кофейне «Уголок», где был выбит чек. За столиком у окна, откуда было видно вход в подъезд.

Кира пришла в том же «успешном» образе, но теперь он казался маской: слишком много блеска, слишком мало жизни. Она заказала зелёный чай и смотрела на чашку, будто там было написано будущее.

— Вы что-то нашли? — спросила она, не поднимая глаз.

— Нашла чек, — спокойно сказала Лида. — Из этой кофейни. Вчера, 20:47. Два напитка. И надпись: «Жду у лифта. Не светись».

Кира вздрогнула. Чашка звякнула о блюдце.

— Это... это не то, что вы думаете.

— Тогда скажите, что это, — мягко сказала Лида. — Потому что сейчас всё выглядит так, будто Андрей не умер. Будто он инсценировал смерть. И вы об этом знали.

Кира закрыла лицо руками. Плечи её задрожали — не от рыданий, а от напряжения, которое наконец прорвалось.

— Он хотел исчезнуть, — прошептала она. — Он сказал, что его жизнь «зашла в тупик», что ему нужно «начать с нуля». И что единственный способ — сделать вид, что его нет.

— И вы согласились? — спросила Лида.

Кира кивнула.

— Он пришёл ко мне. Сказал, что всё продумал: поза, сервировка, платок — это была шутка, ирония над самим собой. «Пусть все думают, что я умер красиво», — сказал он. Я была против, но... он умел уговаривать. А потом... потом я увидела его в кресле, и мне стало страшно. Я запаниковала. Позвонила подруге. А когда приехала полиция, я уже не могла сказать правду. Боялась, что меня сочтут соучастницей.

Лида слушала и одновременно смотрела на её руки. На запястье — та самая царапина. Теперь она поняла: Кира цеплялась за дверную ручку, когда выходила из квартиры, торо-

пилаась, боялась быть замеченной.

— А человек в капюшоне? — спросила Лида. — С камеры. У него не хватало пуговицы.

Кира подняла глаза — в них была усталость и облегчение от того, что кто-то наконец знает правду.

— Это был он, — тихо сказала она. — Андрей. Он вышел через чёрный ход, накинул куртку, которую я ему дала. Пуговица... она отвалилась ещё вчера. Он смеялся: «Вот и доказательство, что я смертен».

Кирилл выслушал Лиду молча. Потом взял чек, посмотрел на надпись, на время, на сумму.

— Если это правда, — сказал он, — то это не убийство. Это инсценировка. И нам нужно найти Андрея. Пока он не натворил дел.

Они поднялись на двенадцатый этаж вместе. Консьержка на этот раз не задавала вопросов — просто кивнула и показала на дверь.

Кирилл постучал. Никто не ответил. Он постучал громче. И вдруг из-за двери донёсся звук. Тихий, но отчётливый. Скрип пола. Как будто кто-то сделал шаг назад, чтобы его не заметили.

Кирилл достал рацию и коротко бросил: «Подъезд, двенадцатый этаж. Возможен подозреваемый. Не блокировать выход, но контролировать».

Потом он снова постучал — уже официально, голосом, который не терпит возражений:

— Андрей Мельников! Откройте! Мы знаем, что вы здесь!

Тишина. Потом — щелчок замка. Дверь приоткрылась. В щели показалось лицо. То самое — с фотографии на холодильнике. Живое. Бледное. С тёмными кругами под глазами.

— Я не хотел никому навредить, — тихо сказал Андрей.
— Я просто хотел исчезнуть.

Лида стояла в стороне и смотрела, как Андрея выводят из квартиры. Он шёл спокойно, будто это было частью плана. Только один раз обернулся — на Киру. И в этом взгляде было столько усталости, что Лида вдруг поняла: он не злодей. Он просто человек, который так устал от своей жизни, что выбрал самый нелепый способ начать заново.

Кира стояла у стены, держась за край стола, будто он мог удержать её от падения.

— Что теперь будет? — спросила она у Кирилла.

— Будет разбирательство, — сухо ответил он. — Инсценировка смерти — это не шутка. Это нарушение закона. И, возможно, попытка ввести следствие в заблуждение.

Когда они ушли, Лида осталась в опустевшей квартире. Она подошла к окну, посмотрела вниз, на улицу, на людей, которые спешили по своим делам, ничего не зная об этой истории.

На столе всё ещё стояли две тарелки. Две салфетки с монограммами. И чашка с недопитым кофе.

Лида взяла салфетку, аккуратно сложила её и положила

в карман. Не как улику. А как напоминание: иногда самые красивые сцены — самые обманчивые.

Её телефон завибрировал. Это была Рита.

— Ты где? — спросила она. — У нас круассаны остывают. И Феликс требует справедливости: кто-то съел его лакомство.

Лида улыбнулась — впервые за эти дни искренне.

— Еду, — сказала она. — Только сначала... мне нужно кое-что записать.

Она открыла блокнот и написала: **«Иногда смерть — это просто способ спрятаться. Но спрятаться от мира не значит спрятаться от себя».**

Глава 5. «Цена красивой жизни»

В кабинете следователя было тихо — та тишина, которая наступает после крика, когда все уже высказались, но напряжение всё ещё висит в воздухе, как запах гари после пожара. Андрей сидел напротив Кирилла, ссутулившись, будто пытался стать меньше. На столе перед ним лежала стопка бумаг: выписки, скриншоты, распечатки переписок. Лида стояла у окна, не потому что хотела быть в стороне, а потому что так лучше видела лица.

— Начнём сначала, — спокойно сказал Кирилл. — Зачем вы это сделали?

Андрей посмотрел на него, потом на бумаги, будто надеялся, что они сами всё расскажут.

— Потому что другого выхода не было, — тихо ответил он. — Я думал, если я «умру», всё остановится. Долги, угрозы, давление... Я хотел просто нажать на паузу.

Кирилл наклонил голову — не с сочувствием, а с профессиональной привычкой слушать между строк.

— Долги — это понятно. Но угрозы? Кто вам угрожал?

Андрей сжал пальцы в кулаки, потом разжал. Этот жест Лида уже видела — у людей, которые привыкли прятать страх за деловитостью.

— Не один человек, — сказал он. — Целая система.

Андрей говорил медленно, будто каждое слово тянуло за

собой груз.

— Я был на плаву, пока всё строилось на имидже. Блог Киры, мои консультации, совместные проекты. Мы продавали не услуги — мы продавали образ: «успешная пара, которая знает, как жить». И люди платили за этот образ. Но потом... потом я начал ошибаться. Инвестиции, которые не сработали. Партнёры, которые подвели. И долги стали расти быстрее, чем подписчики.

Лида слушала и одновременно отмечала детали. На запястье у Андрея — тонкий шрам, будто от наручников или от того, что он слишком сильно затягивал ремешок часов. В голосе — не пафос, а изнеможение. Он не играл жертву — он был ею.

— А шантаж? — спросил Кирилл.

Андрей горько усмехнулся.

— Шантажировали не меня. Меня шантажировали... мной. Кому-то было выгодно, чтобы я оставался в этом образе. Чтобы Кира продолжала вести блог, чтобы мы делали совместные эфиры, чтобы всё выглядело идеально. А если я пытался уйти, мне напоминали: «Ты знаешь слишком много. И у нас есть доказательства, что ты не такой уж безупречный».

Лида вспомнила сервировку ужина, салфетки с монограммами, идеально выглаженный платок. Теперь это выглядело не как ирония, а как часть спектакля.

— И вы решили инсценировать смерть, чтобы выйти из

этого круга? — уточнила она.

Андрей кивнул.

— Да. Я думал: если меня «не станет», спектакль рухнет. Кира сможет начать заново. Без меня. Без давления. Без долгов, которые частично висели и на ней.

Кирилл посмотрел на бумаги.

— Но вы не учли одного: когда человек «умирает», начинается расследование. И вскрываются не только долги, но и связи, о которых вы предпочли бы молчать.

Чтобы понять, кто именно давил на Андрея, Лида пошла туда, где всё начиналось — в студию Киры. Это была не квартира, а сцена: белые стены, продуманное освещение, полки с книгами, которые никто не читал, и камера на штативе, которая смотрела на мир так, будто он обязан быть красивым.

Кира сидела на полу, прислонившись к стене, и смотрела на камеру, будто она могла дать ответы.

— Он думал, что спасает меня, — сказала она, когда Лида вошла. — А на самом деле... он просто не знал, как сказать, что всё рушится.

— Кто давил на него? — мягко спросила Лида.

Кира закрыла глаза, будто пыталась стереть картинку.

— Это не один человек. Это... система. Рекламодатели, продюсеры, люди, которые вкладывали деньги в наш «образ». Для них мы были не людьми, а продуктом. И когда продукт начал давать сбои, они стали требовать гарантий.

Лида присела рядом.

— Гарантий?

— Подписей, обязательств, обещаний, что мы не сорвём контракты. А когда Андрей попытался отказаться, ему напомнили, что у них есть материалы... не самые приятные. Старые переписки, неудачные эфиры, моменты, когда он срывался. Всё, что можно было использовать, чтобы выставить его неадекватным, а меня — жертвой.

Лида вспомнила чек из кофейни, надпись «Жду у лифта. Не светись». Теперь она поняла: это была не романтика, а инструкция по выживанию.

Пока Кира рассказывала, Лида ходила по студии, не убирая, а читая. Она знала: в каждой квартире есть своя правда, спрятанная в мелочах.

На полке — договор с агентством, лежащий так, будто его часто доставали. На столе — блокнот с пометками: «эфир», «реклама», «штраф за срыв». На последней странице — цифра, обведённая красным: сумма долга.

В ящике стола — флешка. Обычная, чёрная, без надписей. Лида взяла её, посмотрела на Киру.

— Вы знаете, что на ней?

Кира кивнула.

— Там... архив. Переписки, записи звонков, документы. Андрей собирал это как страховку. На случай, если его попытаются уничтожить.

Лида положила флешку на стол.

— Тогда это нужно отдать следователю. Это не улика про-

тив Андрея. Это доказательство того, что на него давили.

Кира посмотрела на флешку, будто видела в ней не данные, а свою прошлую жизнь.

— Я боялась этого, — тихо сказала она. — Боялась, что, если всё вскрыется, меня перестанут считать «успешной». Что я стану просто женщиной, у которой всё рухнуло.

Лида села рядом и положила руку ей на плечо — не сильно, просто чтобы показать, что она здесь.

— Иногда «успешная» — это не про фасад, — сказала она. — Это про то, что ты можешь собрать себя заново, даже когда всё рухнуло.

Кирилл смотрел на материалы с флешки и кивал — не с удовлетворением, а с пониманием, что картина наконец складывается.

— Здесь достаточно, чтобы начать проверку, — сказал он. — Не против Андрея, а против тех, кто использовал его положение. Шантаж, давление, принуждение к участию в проектах — это тоже преступления.

Андрей сидел напротив, будто ждал приговора, но услышал не обвинение, а что-то другое.

— Вас не будут судить за инсценировку, если вы согласитесь сотрудничать, — сказал Кирилл. — И, если подтвердите показания.

Андрей выдохнул — первый раз за всё время так, будто с плеч упал камень.

— Я согласен, — тихо сказал он. — Я просто хочу, чтобы

это закончилось.

Кира стояла у двери, держась за ручку, будто это был единственный якорь.

— А что будет со мной? — спросила она.

Кирилл посмотрел на неё спокойно.

— С вами — ничего. Вы не нарушали закон. Вы стали жертвой давления, как и Андрей. Но теперь у вас есть доказательства. Вы можете разорвать контракты, отказаться от проектов, которые вам не нравятся. И начать заново — уже без страха.

Кира опустила голову, и по её щеке скатилась слеза — не от горя, а от облегчения.

Лида вышла из отделения и вдохнула холодный воздух. Город шумел, машины гудели, люди спешили по своим делам, ничего не зная о том, что только что рухнуло и снова начало строиться.

Её телефон завибрировал. Это была Рита.

— Ты где? — спросила она. — Феликс опять сбросил цветков. И я купила новые круассаны. Они ещё тёплые.

Лида улыбнулась.

— Еду, — сказала она. — Только сначала... мне нужно кое-что сделать.

Она достала блокнот и написала: **«Иногда люди исчезают не потому, что хотят убежать от мира, а потому, что мир стал слишком тяжёлым. И самое сложное — не найти их, а помочь им снова научиться дышать».**

Потом она закрыла блокнот, сунула его в карман и пошла к машине. Впереди был не конец истории, а начало чего-то нового — для Андрея, для Киры... и для неё самой.

Глава 6. «Папка без названия и запах ванили»

Лида стояла у лифта в ЖК «Аврора» и смотрела на свои руки. На них ещё держался запах чистящего средства — резкий, аптечный, будто пытался вытравить всё остальное. Но не мог. За последние дни она привыкла к другому запаху — к запаху страха, который прячется за ванильными освежителями, за дорогими диффузорами, за идеально выглаженными шторами.

Сегодня у неё был не «расследование», а обычный заказ: «убрать после гостей, срочно». Но Лида уже не верила в «обычные» заказы. Особенно когда клиентка — блогерша Мила, которая в сторис улыбалась так, будто жизнь — это бесконечный десерт, а в переписке писала: «Только не трогайте шкаф в спальне. Вообще не открывайте».

«Ага, — подумала Лида, — значит, именно туда я и загляну. Не чтобы подсмотреть, а чтобы понять, где прячется трещина».

Квартира пахла ванилью — той самой, из баллончика, которой пытаются заглушить что-то неприятное. На кухне — гора посуды, но чашки стояли ровно, будто их специально выстроили в ряд. На столе — распечатанный график: «10:00 — сторис, 11:30 — созвон с продюсером, 13:00 — обед (не

забыть!), 15:00 — съёмка, 17:00 — отчёт». Под пунктом «отчёт» — приписка ручкой: «Иначе опять штраф».

Лида взяла тряпку, но не начала вытирать. Сначала она обошла комнату, как кошка, которая проверяет территорию. В углу — коробка из-под обуви, нераспакованная. На полке — три одинаковых флакона крема, будто кто-то хотел создать иллюзию изобилия.

А потом она дошла до шкафа.

Тот самый шкаф. С наклейкой «Не трогать». Лида остановилась, посмотрела на наклейку, потом на дверь. И тихо, без скрипа, потянула ручку.

Внутри было не то, что она ожидала увидеть. Никаких платьев в ряд, никаких коробок с обувью. Только одна полка — и на ней стопка папок. И сверху — папка без названия, просто белый конверт, перетянутый резинкой.

Лида не стала открывать. Она просто запомнила. А потом достала телефон и сфотографировала этикетку на коробке рядом: «Архив 2023–2024. Только для внутреннего использования». И подпись — размашистая, с завитушками: «Г. Орлов».

Имя щёлкнуло в голове, как замок.

«Орлов... — подумала Лида. — Это же продюсер, который ведёт Киру. И Андрея. И ещё пятерых блогеров из этого же дома».

Она закрыла шкаф, будто ничего не видела. Но теперь знала: это не просто уборка. Это карта. И на ней кто-то стара-

тельно стёр одну улицу.

Рита смотрела на Лиду поверх чашки кофе и хмурилась — так, как делают только близкие люди, когда понимают, что ты опять полез туда, где опасно.

— Ты мне скажи честно, — сказала она, отодвигая тарелку с круассаном. — Ты сейчас убираешь или расследуешь?

— И то, и другое, — призналась Лида. — Просто я убираю глазами.

Феликс, кот Риты, подошёл, потёрся о её ногу и ушёл, будто хотел сказать: «Я тебя предупредил».

— Так вот, — продолжила Лида, доставая телефон. — Я была у Милы. У неё в шкафу — папки. И одна подписана именем Орлова. Того самого, который продюсировал Киру и Андрея.

Рита нахмурилась сильнее.

— Орлов... Это тот, который всегда говорил: «Контент — это бизнес, а не дружба»?

— Он самый, — кивнула Лида. — И у Милы в графике — штрафы. За срыв съёмок. За «недостаточную вовлечённость». За то, что «аудитория чувствует фальшь».

Рита вздохнула.

— Знаешь, что самое страшное? — тихо сказала она. — Что они не считают это давлением. Они считают это «мотивацией».

Лида вспомнила слова Андрея: «Меня шантажировали мной». Теперь она поняла — это была не фигура речи. Это

была бухгалтерия.

Офис агентства «МедиаСтарт» был сделан так, чтобы казаться дружелюбным: мягкие кресла, светлые стены, на столе — тарелка с мандаринами. Но за этим фасадом чувствовался холод — как в холодильнике, где продукты лежат слишком ровно.

Орлов сидел за столом и улыбался — той улыбкой, которую тренируют перед зеркалом.

— Лида, рад вас видеть, — сказал он. — Вы, наверное, по поводу Киры? Мы уже всё обсудили со следователем.

— Нет, — спокойно ответила Лида. — Я по поводу Милы. И папок в её шкафу.

Улыбка чуть дрогнула.

— Папок? — переспросил он. — А, это архивы. Мы храним все материалы по проектам. Это стандартная практика.

— Да, — кивнула Лида. — Только почему на них стоит ваша подпись? И почему в графике Милы — штрафы?

Орлов откинулся на спинку кресла. Теперь он смотрел не как продюсер, а как человек, который оценивает, насколько сильно его загнали в угол.

— Штрафы — это стимул, — сказал он. — В нашем бизнесе нельзя расслабляться. Если блогер не держит темп, аудитория уходит. А рекламодатели не любят нестабильность.

— А если блогер хочет уйти? — спросила Лида.

Орлов помолчал. Потом достал из ящика папку — ту са-

мую, без названия.

— Тогда мы смотрим, что у нас есть, — спокойно сказал он. — Не для того, чтобы навредить. А чтобы... помочь принять правильное решение.

Лида смотрела на папку. И вдруг поняла: это и есть шантаж. Не в стиле криминальных фильмов, а в стиле Excel-таблиц и пунктов договора.

— Вы держали Андрея на крючке этими материалами, — сказала она.

Орлов не стал отрицать.

— Андрей был сложным, — сказал он. — Он хотел свободы, но не хотел терять деньги. Мы пытались найти компромисс.

— Компромисс, в котором он «умер»? — уточнила Лида. Орлов наконец перестал улыбаться.

— Я не знал про инсценировку, — тихо сказал он. — Но я знал, что он на грани. И я... не остановил его.

Лида вернулась к Кириллу не с уликой, а с картой.

— Это не про одного Андрея, — сказала она, раскладывая на столе фотографии: папка у Милы, график со штрафами, подпись Орлова. — Это про систему. Орлов и его агентство держат блогеров на контрактах, где штрафы и обязательства прописаны так, что уйти почти невозможно. А если кто-то пытается — им напоминают, что у агентства есть материалы, которые могут разрушить репутацию.

Кирилл смотрел на фото, кивал — не с удивлением, а с

пониманием, что пазл наконец складывается.

— То есть шантаж был не личным, а корпоративным, — сказал он.

— Именно, — кивнула Лида. — Они не угрожали ножом. Они угрожали будущим. И для человека, чья работа — быть на виду, это страшнее.

Кирилл взял папку, которую Лида принесла.

— Мы проверим все контракты, — сказал он. — Если там есть пункты, которые можно трактовать как давление или принуждение — это уже не просто «споры по договору». Это злоупотребление.

Лида вышла из отделения и вдохнула холодный воздух. Город шумел, машины гудели, кто-то кричал вдалеке — обычный вечер обычного города.

Её телефон завибрировал. Это была Рита.

— Ну что, — спросила она. — Феликс требует справедливости. И круассаны ещё тёплые.

Лида улыбнулась — впервые за день искренне.

— Еду, — сказала она. — Только сначала... мне нужно кое-что записать.

Она достала блокнот и написала: **«Иногда самое страшное насилие — это не кулак, а договор. И самое сильное сопротивление — не крик, а тихий вопрос: А так можно?».**

Потом закрыла блокнот, сунула его в карман и пошла к машине. Впереди был не конец истории, а начало чего-то

другого — не про погони и выстрелы, а про то, как люди учатся видеть, что за красивым фасадом прячется боль. И как эта боль становится уликой.

Глава 7. «Как читают документы — и как читают квартиры»

Лида сидела на полу в гостиной Милы, с этого ракурса лучше видно, где пол прогибается, где стык плинтуса чуть отошёл, где тень ложится не туда. Рядом лежал контракт — толстый, глянцевый, с логотипом «МедиаСтарт» на обложке. Мила сидела напротив, поджав ноги, и смотрела на документ, будто это была змея, которая вот-вот шевельнётся.

— Я не понимаю, — тихо сказала она. — Тут столько букв, и все они против меня.

Лида кивнула. Она не стала говорить «не переживай» — это звучало как отмашка. Вместо этого она взяла ручку, положила рядом блокнот и сказала:

— Давай читать его так же, как квартиру. Не сверху вниз, а по углам. Где прячется пыль. Где что-то не сходится.

Лида открыла договор на середине.

— Смотри, — сказала она, водя пальцем по строкам. — Вот тут: «Исполнитель обязан поддерживать уровень вовлечённости не ниже 12%». Это как сказать: «Ты должна быть весёлой каждый день, иначе штраф». Но вовлечённость — это не кран, который можно открыть. Это настроение. И погода. И кот, который сбросил цветок.

Мила слабо улыбнулась.

— Феликс, — прошептала она. — Он как будто знал, что мне нужно отвлечься.

— Вот именно, — кивнула Лида. — А теперь смотри сюда. Пункт 4.7: «Агентство вправе требовать возмещения убытков в случае досрочного расторжения договора». Звучит страшно. Но давай посмотрим, что они считают убытками.

Она перевернула страницу, нашла приложение. Там была таблица: «Прогноз дохода от рекламных интеграций на 12 месяцев».

— Видишь? — сказала Лида. — Они хотят не то, что ты реально заработала, а то, что они *предполагали* заработать. Это, как если бы я взяла заказ на уборку, а потом мне сказали: «Ты не убрала соседнюю квартиру, которую мы тебе не поручали, поэтому ты нам должна».

Мила нахмурилась, но в глазах мелькнуло понимание — как будто она впервые увидела, что её пугают не фактами, а предположениями.

— А вот это, — Лида постучала по пункту 6.3, — «Агентство имеет право использовать материалы, созданные в рамках сотрудничества, бессрочно». То есть всё, что ты сняла, всё, что ты сказала, — теперь их навсегда. Даже если ты уйдёшь.

Мила сжала кулаки.

— Это как забрать у меня мой голос, — сказала она. — И повесить его на витрину.

— Да, — спокойно сказала Лида. — Но есть одна деталь, которую они не учли. Смотри на дату внизу страницы.

Мила наклонилась.

— 15 марта...

— Именно, — кивнула Лида. — Это дата, когда ты подписала. А теперь посмотри на пункт 1.2: «Договор вступает в силу с момента подписания и действует 12 месяцев». То есть он не «вечный». Он просто длинный. И у него есть срок.

Мила подняла глаза.

— То есть... я могу просто... подождать?

— Не просто подождать, — сказала Лида. — Ты можешь выйти. Но лучше — выйти правильно. Чтобы они не могли потом сказать: «Она нарушила».

Лида достала свой блокнот. На чистой странице она нарисовала простую схему: три столбика. «Что они требуют», «Что реально возможно», «Где ошибка».

— Мы не будем спорить с их правилами, — сказала она. — Мы найдём место, где их правила сами себе противоречат. Смотри.

Она открыла раздел «Обязанности исполнителя».

— Тут написано: «Исполнитель обязуется публиковать не менее 3 сторис в день». А вот тут, в приложении, — график съёмки: «2 съёмки в неделю, 1 прямой эфир». То есть они требуют от тебя больше, чем сами планируют. Это как сказать: «Ты должна бегать по кругу, пока мы будем сидеть на скамейке».

Мила вдруг рассмеялась — коротко, нервно, но это был смех облегчения.

— Звучит как моя жизнь, — сказала она.

— И ещё, — продолжила Лида, водя пальцем по тексту. — Пункт 8.1: «Расторжение договора возможно при условии уведомления за 90 дней». Это их правило. Но есть закон. Гражданский кодекс. Статья 782 — про односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг. Ты имеешь право отказаться, просто уведомив. И не обязана платить за их «прогнозные убытки».

Мила смотрела на неё, будто видела в первый раз.

— Ты это... просто помнишь?

Лида пожала плечами.

— Я не юрист. Но я умею искать, где что-то не стыкуется. Как в квартире: если плинтус не прилегает, значит, под ним что-то есть.

Они сели за ноутбук. Лида не писала за Милу. Она только подсказывала, где ставить запятые, где убирать эмоции, где оставлять факты.

«Уважаемый Г. Орлов, Настоящим уведомляю о своём намерении расторгнуть договор ... от 15.03.2024 в одностороннем порядке на основании ст. 782 ГК РФ. Срок уведомления — с даты получения данного письма. Прошу предоставить акт выполненных работ и расчёт взаимных требований на дату расторжения. Также прошу прекратить использование всех материалов, созданных в рамках договора, с указанной

даты. С уважением, М. Иванова».

Когда письмо было готово, Мила посмотрела на экран, потом на Лиду.

— А если они скажут, что это не считается? Что я должна была предупредить раньше?

— Тогда мы покажем им дату отправки, — спокойно сказала Лида. — И квитанцию. И то, что в их же договоре нет требования «предупреждать лично». Есть требование «уведомить». А письмо — это уведомление.

Мила нажала «Отправить». Экран моргнул. И в комнате стало чуть тише, первый шаг был сделан.

Орлов сидел за тем же столом, но теперь мандаринов не было. Только папки, телефон и взгляд, в котором читалось: «Я не ожидал, что кто-то посмотрит на цифры».

— Вы понимаете, что делаете? — спросил он, не повышая голоса. — Вы теряете стабильность. Аудитория не любит перемен.

— Аудитория любит честность, — тихо, но твёрдо сказала Мила. — А я устала притворяться, что у меня всё идеально.

Орлов посмотрел на Лиду — не как на врага, а как на человека, который нашёл трещину в стене.

— Вы это специально, — сказал он. — Вы научили её смотреть на пункты.

— Нет, — ответила Лида. — Я научила её смотреть на углы. Там всегда прячется правда.

Он помолчал, потом открыл папку.

— Хорошо, — сказал он. — Мы подготовим акт. И прекратим использование материалов. Но... вы понимаете, что дальше будет сложно? Без нашей поддержки.

Мила выпрямилась. Впервые за долгое время она не пыталась казаться меньше, чтобы её не заметили.

— Сложно — это когда каждый день приходится врать, — сказала она. — А дальше... я буду учиться не врать.

Лида вышла из офиса и вдохнула холодный воздух. Город шумел, но теперь этот шум не давил — он был просто фоном.

Её телефон завибрировал. Рита.

— Ну что, — сказала она вместо приветствия. — Феликс сбросил цветок, но я его спасла. И круассаны ещё тёплые.

Лида улыбнулась.

— Еду, — сказала она. — Только сначала... мне нужно кое-что записать.

Она достала блокнот и написала: **«Иногда самое сильное сопротивление — это не крик, а спокойное «я так не хочу». И самое важное — не разрушить стену, а найти в ней дверь».**

Потом закрыла блокнот, сунула его в карман и пошла к машине. Впереди был не конец истории, а начало чего-то другого — не про погони и выстрелы, а про то, как люди учатся возвращать себе своё пространство. И свой голос.

А в квартире Милы, когда она вернулась, первым делом сняла наклейку «Не трогать» с двери шкафа. Открыла его,

достала папки и аккуратно, одну за другой, начала их разбирать. Не чтобы спрятать. А чтобы наконец увидеть, что там было.

Глава 8. «Цифры, которые не умеют лгать»

Лида стояла у окна в квартире Риты и смотрела, как дождь рисует на стекле косые линии — будто кто-то пытался написать важное, но стёр. На подоконнике рядом с ней лежал блокнот, в котором она перестала записывать улики и начала писать мысли. Рита крутилась на кухне, гремела кастрюлями, будто пыталась перекрыть тишину.

— Ты опять думаешь, — сказала Рита, не оборачиваясь. — Я это слышу даже спиной.

— Я не думаю, — отозвалась Лида. — Я считаю.

Рита фыркнула, поставила перед ней чашку, от которой шёл пар, и села напротив.

— Считаешь что? Сколько раз Орлов может испортить жизнь, пока не устанет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.